«узнавание» своего в чужом; 2) «присваивание», приписывание своего чужому; 3) «случайное», неожиданное «узнавание» (спонтанные ассоциации) своего в чужом.

1. Артемьев, Т.М. Интуиция и рефлексия в понимании. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Т.М. Артемьев. – СПбГУ. – СПб, 2014. – 174 с.
2. Грибанов, С.В. Интуиция в гуманитарном познании. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / С.В. Грибанов. – Волжская государственная инженерно-педагогическая академия. – Нижний Новгород, 2003. – 187 с.
3. Грибанов, С.В. Эвристический и ценностный аспекты интуиции / С.В. Грибанов // Журнал «Аллея науки». – 2017. – Т.2. – №12. – с.420-424.
4. Лихошерстных, Г.У. Интуиция в науке, её природа и её возможности / Г.У. Лихошерстных // Вопросы философии. – 1984. – №6.
5. Майерс, Д. Интуиция. Возможности и опасности / Д. Майерс. – СПб.: Питер, 2010. – 272 с.
6. Петренко, Н.А. Понимание и интуиция как компоненты познания / Н.А. Петренко // Вестник адыгейского государственного университета. – 2013. – №2(118). – с. 26-31.
7. Пономарев, Я.А. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии / Редакторы-составители А.Л. Журавлев, Т.В. Галкина. – М.: ООО «ТИД «АРИС», 2010. – 292 с.

Шевченко С.Ю., Лаврентьева С.В.

Археология кодификации: музыка и медицина

*Институт философии РАН
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/lj-08-2018-52

idsp: 000001:lj-08-2018-52

Аннотация

В данной статье мы хотели бы, опираясь на археологический метод Фуко, выявить ряд схожих черт функционирования знания в двух крупных и не связанных, на первый взгляд, дискурсивных формациях — музыке и медицине. Таким образом, мы начинаем разговор о функционировании знания не с готовых закономерностей, но «с популяции разрозненных событий». Основой сопоставления выступает кодификация, ее роль в медицине и музыке.

Ключевые слова: Кодификация, музыка, медицина, комбинаторика, знание, власть

Abstract

This article is devoted to a number of similarities in knowledge functioning in two large and independent discursive formations - music and medicine (on the basis of the archaeological method Foucault). So we start discussion about functioning of knowledge from the 'population of isolated events' not from ready-made synthesis. We take the codification and its role in medicine and music as a basis of a comparative analysis.

Keywords: Codification, music, medicine, combinatorics, knowledge, power

На международной конференции «Информационные технологии в медицине» (Москва 13-14 октября 2016) один из ведущих специалистов в этой сфере профессор БерндБлодель сравнивает две схемы решения коммуникационных задач в медицине. Обе они предполагают гармонизацию гетерогенных данных: диагностических, финансовых, законодательных сведений из клинических рекомендаций и т.д. На одной из схем изображена запутанная сеть двустороннего перевода данных, что означает, например, терминологическую гармонизацию каждой сферы с каждой. Другая схема значительно проще — она предлагает представить любую из входящих задач как информационно-коммуникационную и использовать язык такого представления как универсальный. И несмотря на то, что на второй схеме сохранено круговое расположение источников данных, составляющих информационную систему медицины, сама она является иерархичной. Универсализация языка задачи означает придание переводчику уникального статуса, фактически — сосредоточение власти в его

руках. И если следовать этой схеме, владеть кодификацией означает - управлять, а история кодификации и становится частью истории власти.

В данной статье мы намерены рассмотреть, какое место кодификация занимает в двух крупных дискурсивных формациях — музыке и медицине, и понять, как меняется ее роль.

В первой главе «Археологии знания» Фуко изыскивает путь работы с «дискурсивными формациями». В конечном итоге он предлагает отказ «от предварительных форм непрерывности» и предлагает «установить рассеивание точек выбора и определить, пренебрегая любыми мнениями, тематические предпочтения поля стратегических возможностей» (Фуко, 1996). В данном исследовании мы бы хотели, опираясь на этот тезис Фуко, помимо уточнения роли кодификации также и упорядочить места «рассеивания», проводя параллели между двумя формациями.

Мы предполагаем, что сравнение двух «первоначальных общностей» поможет двигаться путем, который предложил Фуко. Выделяя и сравнивая кодификацию как особый объект внутри музыки и медицины, мы несколько отступаем и начинаем наблюдать картину со стороны, при этом не сосредотачиваясь на проблеме дискурсивного единства данных формаций.

Собственно этот путь исследования интерпретирован и разъяснен Делезом в его послесловии к «Археологии знания». Говоря о критериях выбора суждений, служащих важным «археологическим» материалом, Делез отмечает, что базовыми для Фуко являются слова и предложения, которые могут быть найдены «вокруг рассеянных очагов власти (и сопротивления)...» (Делез, 1998 С. 22-23).

В этой связи нами выбрана задача по реконструкции места, занимаемого кодификацией в разных дискурсивных формациях.

Наиболее очевидным первым шагом в реконструкции кодификации выглядит историческое разыскание в сфере математизации медицины. Однако математизация, как и использование формальной логики, не всегда предполагает собственно кодификацию, как это будет показано ниже.

Описание процесса математизации медицины требует осторожности в интерпретации не столько широты или престижности применения математики во врачебной деятельности или в изысканиях по анатомии и физиологии. О необходимости критического отношения к выявленным сходствам Фуко упоминает в самом начале книги «Слова и вещи». Центром интерпретации использования логико-математического аппарата в медицине может стать лишь вопрос о возможностях тех или иных высказываний в медицине, или шире — о задании особого рода эпистемической оптики, задающей не только видимое и то, что мы можем увидеть, так и невидимое и то, что увидеть нельзя.

Ренессансное использование математического знания и собственно исчисление тех или иных параметров человеческого тела имеет прежде всего метафорический характер. Через вписывание человеческого тела в некие фиксированные числовые соотношения гипостазировалась система аналогий, метафор гармонических сочетаний.

Однако реальное тело больного оставалось некодифицированным, скорее норматизированным. Математические аналогии помогали лишь представить некое нормативное тело — в современной медицине ту же роль играет т.наз. «правило девяток» - разбиение тела на участки, площадь поверхности которых составляет приблизительно 9% от общей поверхности тела. Эпистемическая роль этого правила в принципе сводима к мнемотехнике; например, оно делает видимым тяжесть ожогового поражения, позволяя быстро представить долю пораженных участков кожи. Однако само по себе это правило не задает шкалы тяжести ожогов, более того, оно в рамках этой классификации не необходимо.

Совсем другой порядок видимого предполагает использование нозологической классификации в XVIII веке, наиболее выпукло механизмы кодификации проступают в тех её вариантах, в которых по словам Фуко, конкретность случая, индивидуальность пациента представляет собой лишь искажением «идеального» облика патологии (Фуко, 1998). Здесь индивидуальное становится шумом, искажающим портрет заболевания, мешающим её узнаванию. Именно в этом кодифицируемом распределении раскрывается дисциплинарная роль особого «медицинского» взгляда — распределение

субъектов в социальном пространстве клиники происходит исходя из кодифицированных ячеек.

Однако ряд авторов, занимающихся историей здравоохранения в англоязычном мире, считают, что до начала эры лабораторной медицины забота о пациенте оставалась индивидуализированной, а кодификация играла вспомогательную роль (Tutton, 2014). С началом эпохи лабораторных анализов и выражения в числовом виде не только актуально существующей, но и потенциальной патологии, стало возможным проведение референсных границ здоровья и заболевания. Если в XVIII веке помещать усмотрению и узнаванию болезни могла только индивидуальность больного, то в 20-30 годах XX века это могла сделать и индивидуальность врача. В качестве отдаленной метафоры таких эпистемических воззрений можно назвать идеальный тип исследования в современной доказательной медицине как «двойное слепое» – исключаящее знание и врача, и пациента о том происходит ли прием экспериментального препарата или плацебо. В конечном итоге благодаря внедрению лабораторных методов болезнь стала выражаться через пороговые значения измеряемых параметров, например, уровня сахара или холестерина в крови. В конечном счете эти значения и составили онтологию заболевания. Для диабета, гипертонии или гиперхолестеринемии достаточно цифр, в каком-то смысле кодификация подменила собой их патогенез. То есть кодифицированные критерии заболевания могут быть абсолютно безразличны к биографическому опыту болезни – феноменологически переживаемому страданию. Ещё до наступления первых симптомов человек может быть вовлечен в биомедицинские практики, просто исходя из того, что уровень сахара, холестерина или определенных гормонов в его крови выходит за пределы референсных значений (Тищенко, 2001).

Более того кодификацию как точку стягивания власти в биомедицине легко различить в распространенном сегодня стремлении проходить онкологический чек-ап, якобы выявляя раковую опухоль по содержанию в крови определенных молекул, онкомаркеров, хотя с точки зрения доказательной медицины такая процедура и абсолютно бессмысленна (Шевченко, 2016).

В качестве дальнейшего вектора развития той же операции властного перевода кодифицированных биологических факторов в социальное пространство диагноза и заболевания можно привести бывшие на пике популярности в минувшем десятилетии поиски генов, «ответственных» за возникновение определенных заболеваний. Такого рода генетический редукционизм (вроде сообщений об открытии «гена тахикардии»), парадоксальным образом отсылает нас и к ренессансной системе аналогий и к характерным для классической эпохи поискам универсального языка, описанным в «Словах и вещах». К слову, сейчас медико-генетические практики потребуют уже другого описания в «археологических» терминах.

Однако в данном случае для нас важно то, что тело больного и даже сама болезнь в рамках этой кодификационной оптики остаются невидимыми для биомедицины, пребывая в статусе шума. В то время как кодифицированное в уровнях гормонов или «буквах» генетического кода заболевание выступает на первый план – оно создано кодификацией как видимое, и оно работает как наличное, перемещая обследуемого в социальном пространстве клиники – от врачебных кабинетов к палатам и т.д. Тем самым власть медицинского взгляда осуществляется именно в контексте видимостей, не только заданных, но и созданных кодификацией.

Что касается кодификации в музыке, тот тут мы будем иметь дело несколько с другим соотношением дискурсивных плоскостей. Нам придется говорить не только о кодификации музыки как таковой. Здесь нам необходимо обратить внимание на то, что музыка сама оказывается встроенной в более общую систему кодификации.

Для пояснения данного тезиса обратимся к научной составляющей музыки, которая так же как и медицина так или иначе имела дело с измерением.

Конкретнее — мы сейчас говорим о начавшемся еще с античности, продолжившемся в Средневековье и пересмотренном в Новое время взаимодействии музыки и математики.

Если мы обратимся к истории музыкальной теории до начала XVII-XVIII вв., то нам представится картина, подобная той, что мы наблюдали в медицине. Математика является скорее метафорой, которая обозначала связь музыки и общемирового порядка.

Однако в отличие от медицины, в которой математические аналогии играли вспомогательную роль, в музыкальной теории математика долгое время официально занимала господствующее положение. Причину этому надо искать в пифагорейском учении о музыкально-математических соотношениях, которое затем получило свое развитие в Средневековье благодаря Бозцианскому четырехпутью (или квадривиуму). Таким образом музыка входила в число наук, в которых властвовало число, занимая в рамках квадривиума подчиненное по отношению к математике положение.

И именно благодаря этой взаимосвязи теория консонансов становится одной из частей описания и систематизации в астрономии (подобие астрономических соотношений и музыкальных было одним из ключевых инструментов для разъяснения механики небесных тел). Таким образом музыка сама оказывается ключом к разъяснению устройства мира, и оказывается необходимой частью астрономической кодификации.

Также и вопросы, касающиеся непосредственно музыкального творчества и композиции, могли быть разъяснены также только через математику — например, описание механизма влияния музыки на человека. Предназначение и влияние музыки могли быть понятны только математикам — даже если они не имели опыта в практике музыкального исполнительства (такая непричастность к практике даже считалась достоинством).

Итак, как мы видим теперь, в науке понимание того, что представляет собой музыка неизменно будет упираться именно в ее математическое разъяснение.

Несколько другую расстановку во взаимосвязи музыки и математики мы наблюдаем в науке Нового времени. Тут перед нами разворачиваются две линии. Первая отчасти сохраняет принцип главенства математики, и ее использование в качестве основного средства истолкования музыки. Однако в данном случае математика предстает как часть метода исследований в физике. Классическая эпоха положила начало новым исследованиям свойств звука, связанным в первую очередь с его физическими характеристиками.

Этот путь сначала был проработан в совместных исследованиях Декарта и Бекмана, и также у Мерсенна (Cannon, 1987, S. 12-67). Что интересно, последний, исследуя физические стороны звука, продолжает осмысливать связь музыкальной и мировой гармонии уже в рамках новой науки (Глядешкина, 2008).

Есть также и вторая линия, в которой (в отличие от первой) музыка предстает непосредственно в роли материала для кодификации. Это происходит благодаря укреплению позиций комбинаторики. Собственно идею использовать комбинаторику в качестве дополнительного инструмента композиции высказал Лейбниц. Уже в XVIII веке его идеи развил Мицлер, который, опираясь на идеи Лейбница, разработал теорию по применению комбинаторики к музыке. По его мнению, комбинаторика могла послужить источником новых идей и новых звучаний (Mizler, 1739, S. 73). Помимо всего Мицлер представил и описание своего рода музыкальной машины, которая должна помочь читающим постигнуть искусство композиции (Kamatani, 2004, P. 47.).

Комбинаторика в дальнейшем действительно использовалась в музыкально-математических играх - для прорисовки ритма и мелодического контура (ее применяли Иоганн Филипп Кирнбергер и Карл Филипп Эммануэль Бах). Гайдн и Моцарт также обращались к математико-музыкальным играм, сочиняя короткие пьесы при использовании математически предопределенных составляющих (Pinegar, 1984, P. 74).

Математико-музыкальные эксперименты получили свое продолжение в XX веке — среди представителей Нововенской школы и их последователей.

Таким образом в двух разных дискурсивных формациях — музыке и медицине — мы видим схожее «кодифицирующее» движение, изменение статуса логико-математического аппарата: изначально в медицине он позволял увидеть в налично данном (теле человека) гармоничное как нормативное. Затем кодификация стала основой всё большего числа практик — сначала она проводит границу между видимым и невидимым в диагностике, определяя, что составляет симптоматику, а что лишь служит её индивидуальным искажением. И наконец с развитием лабораторных технологий кодификация создает заболевание как видимое — за границами кодификационного аппарата болезнь не существует актуально. Математический

аппарат музыки также изначально играл роль скорее напоминания о мировом порядке, задавая некую высшую нормативность, и лишь в классическую эпоху возникают попытки использовать логико-математические операции для создания музыкальных произведений.

В целом это движение можно описать как изменение статуса логико-математического аппарата с эпистемологической метафоры, указывающей на то, что может быть увидено в наличном, к методологическому инструменту создания и видимого, и наличного. Разница лишь в том, что в медицине кодификации удалось прочно занять широкий «методологический плацдарм», в музыке же попытки её методологического использования оказались весьма ограниченными. Однако и в музыке логико-математические средства создают основу для её объяснения – для очерчивания её «видимых» оснований.

1. Глядешкина З. И. Лекции и материалы по истории теории музыки во Франции XVI-XVIII веков в 5 т. Т. 4 : Гармония мира как принцип музыки согласно "L'Harmonie universelle" (1636) Марена Мерсенна. М., 2008. С. 133-134.
2. Делез Ж. Новый архивариус // Делез Ж. Фуко. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С. 22-46.
3. Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М. 2001. 182 с.
4. Фуко М. Археология знания [электронный ресурс]. К.: Ника-Центр, 1996. URL: <http://elena.romek.ru/learning/fuko06.htm> (дата обращения 30.11.2016)
5. Шевченко С.Ю. Эпистемологические установки биомедицины и понимание человека как субъекта // Знание. Понимание. Умение, №3, 2016. С. 102-108
6. Cannon John T., Dostrovsky Sigalla. Entstehung der musikalischen Akustik (1600-1750) // Hören, Messen und Rechnen in der frühen Neuzeit / Geschichte der Musiktheorie. Bd.6. Darmstadt, 1987. S. 12-67.
7. Kamatani P. Science, Metaphysics and the late work of J. S. Bach. San-Francisco. 2004. 305 p.
8. Mizler L. Anfangs-Gründe des General Baßes. Leipzig: [s.], 1739. 123 S.
9. Pinegar S. Perspectives on the musical essays of Lorenz Christoph Mizler (1711-1778) / Pinegar Sandra. - Denton : University of North Texas, 1984. 145 p..
10. Tutton R. Genomics and the Reimagining of Personalized Medicine. Ashgate, 2014. 208p.

Шевченко С.Ю.

Биомедицина между утилитаризмом и надеждой

*Институт философии РАН
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/lj-08-2018-53

idsp: 000001:lj-08-2018-53

Аннотация

В статье рассматривается казус с рекомендацией британским регулятором системы здравоохранения (NICE) двух современных таргетных препаратов. Показано, что несмотря на утилитаристский характер методологии принятия решений, важным основанием рассматриваемого выбора послужила надежда экспертов на доработку способа применения выбранного препарата и надежда пациентов на попадание в ту десятую часть больных, у которых средство наиболее эффективно.

Ключевые слова: биоэтика, утилитаризм, экспертное знание.

Abstract

The article discusses the case with the recommendation of two modern targeted drugs by British health system regulator (NICE). Despite the utilitarian nature of NICE decision-making methodology, the choice was determined with experts' hope for evolution of selected method and the hope of patients for having maximal therapeutic response (while the chance rate is 1:10).

Keywords: bioethics, utilitarianism, expert knowledge.

Рассматриваемый ниже казус регламентации использования некоторых современных препаратов для лечения меланомы призван показать взаимную значимость